

© 1997 г. В. ДИТРИХ

# ОЧЕРК ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НОВОГРЕЧЕСКОГО В СОПОСТАВЛЕНИИ С ФОРМИРОВАНИЕМ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ ИЗ НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ

В данной статье в дополнение к моей книге [Dietrich 1995] отмечается прежде всего, что новогреческий язык в его историческом развитии из классического древнегреческого через эллинистическое койнэ и византийский греческий обнаруживает те же черты, что и возникнувшие из латыни романские языки. Основные грамматические, синтаксические и лексические особенности суть те же, что мы находим в разговорной латыни, вернее в народной латыни<sup>1</sup>, основе романских языков; а это — универсалии неофициального разговорного языка. Ниже будет показано, что историческое рассмотрение новогреческого важно не только для стандартного языка, но и для диалектов от Южной Италии до Малой Азии и Кипра. Здесь наблюдается большое языковое многообразие, заставляющее вспомнить разнообразие романских языков. Новогреческий стандартный язык (δημοτική) мы рассматриваем как один из обработанных вариантов существующих новогреческих диалектов, которые могут представлять со сравнительно-исторической точки зрения такой же интерес, как и стандартный язык<sup>2</sup>. Мы не можем обойти также обширную тему о влиянии разговорного греческого на народную латынь и, следовательно, на формирование романских языков.

## 1. Состояние исследований проблемы.

Едва ли возможно обойтись, хотя бы вкратце, без постановки вопроса. У грецистов подробно разработана история греческого языка, прежде всего ранняя. Такие авторы, как Бласс, Дебруннер, Тумб и Мейе, описывали эллинистический и библейский греческий; Психарис, Хатцидакис и особенно Триандафиллис продолжили исторические исследования новогреческого вплоть до XIX–XX вв., заложив основы неогрецистики. Исследование же греческого византийской эпохи и Нового Времени методами современной лингвистики пока остается желательным. Грецисты прежде всего никогда не рассматривали параллели, которые можно найти с романской точки зрения в развитии греческого и латинско-романского. Лишь немногие романисты сто лет тому назад делали отдельные интересные наблюдения, но всегда частные, т.е. относящиеся к отдельным фонетическим феноменам, не во взаимосвязи и на неудовлетворительном теоретическом и методологическом уровне. Можно назвать К. Дитриха как романиста [K. Dietrich 1904; 1906], Клаусена как грециста [Claussen 1905]. 20 лет спустя романист Г. Рольфс в связи с изучением следов греческого на юге Италии обратил внимание на некоторые общие черты в развитии греческого и романского [Rohlf 1947]. Начиная с шестидесятых годов Эугенио Косериу начал систематически изучать греческое влияние на народную латынь и подчеркивать

<sup>1</sup> Дитрих использует термин “Vulgärlatein”, который мы в соответствии с принятой традицией переводим как “народная латынь”. (Прим. перев.)

<sup>2</sup> В соответствии с современным положением дел в Греции и аналогично самоназванию всех современных языков мы называем “греческим” новогреческий и отделяем от него более древние периоды с помощью терминов “древнегреческий”, “среднегреческий”.

значение греческих элементов в романской языковой истории [Coseriu 1968; 1972]. В кругу этих работ находится также и моя диссертация о глагольном виде перифразических конструкций в народной латыни и в романских языках [W. Dietrich 1973]. Фундаментальное исследование Михаеску [Mihaescu 1966] о грецизмах в надписях бассейна Дуная от античности до византийских времен касается только лексики. Наши же интересы лежат скорее в области грамматических и синтаксических структур.

## **2.1. Историческое распространение греческого и латыни.**

Общеизвестно и не ново, что латынь на протяжении своей истории распространилась на более обширные территории, чем греческий, и не претерпевала в позднейшие времена таких ограничений в своем распространении, как греческий. Оба языка во времена Римской республики, в период Западной Римской империи, а также в начале византийской эпохи конкурировали в господстве над пространством вокруг Средиземного моря и в прилегающих областях. В общем, латынь уже в эпоху ранней империи была языком, господствовавшим в западной части государства, тогда как греческий преобладал на территориях к востоку от Греции, захваченных Александром Македонским, – Малой Азии, Сирии, Египте, Месопотамии и т.д. Кроме того, на восточных и североафриканских территориях греческий всегда был ученым языком высших слоев, греческих поселенцев и утвердился как язык общения. Он не распространился, подобно латыни на Западе, в качестве второго языка всех жителей этих областей в низших слоях населения, и не вытеснил их родного языка. Иными словами, “эллинизированные” области не были так основательно грецизированы, как позднее были романизированы романские страны. Какова же причина этого?

В отличие от романского языкового пространства, возникшая в результате походов Александра Великого экспансия греческого на Восток не послужила истоком выделения различных новогреческих языковых образований, поскольку колонизация происходила иначе, а все завоеванные и подвергшиеся греческому влиянию территории были утеряны еще до возможного образования языков-потомков. К примеру, латынь распространилась в Испании (примерно в 200 г. до н.э.), когда язык еще не имел литературной нормы. Эта норма еще только разрабатывалась. Во время же александровской экспансии в греческом мире возникло койнэ, т.е. внедиалектная, нивелированная, уже разработанная типическая форма языковой колонизации, которая могла быть построена на основе фиксированной классической нормы. Эта традиция, принесенная в Малую Азию, Месопотамию, Персию и Египет, сохранялась в византийский период. Отсутствовала политическая раздробленность и связанная с ней обособленность языков, как в западных областях после падения Рима. Формирование диалектов в древнегреческих колониях в Сицилии, Южной Италии, Фракии, и вокруг черноморского побережья (Крым, Меотиды, Колхида, Понт<sup>3</sup>) не приводило к возникновению отдельных долговечных государств. Боспорское царство в Крыму и царство Понт вскоре попали в подчинение Рима, затем Византии – (Константинополя), образовавшейся со временем на обломках Рима. Уже в государстве Селевкидов, как и в Риме и в Византийской империи, имели место контакты и тесные связи, благодаря администрации и армии. Региональные варианты греческого, а именно понтийский и каппадокийский, в восточной Малой Азии кипрский, критский, эпирский, не имея политического или литературного престижа, не могли превратиться в самостоятельные языки.

Важную причину того, что “грецизация” Востока не достигла уровня романизации Запада, можно видеть в том, что эта грецизация никогда и нигде не имела такой глубины и того неуклонного распространения, интенсивности и длительности, как романизация в латинском языковом мире. Хотя администрация в эллинистических государствах была хорошо организована, и все высшие должности были заняты греками, грецизация в сущности затронула только высшие слои общества. В начале

---

<sup>3</sup> Меотиды – побережье Азовского моря (Меотийского озера античности), Колхида – Закавказье. Понт – южное побережье Черного моря. (Прим. перев.).

эпохи Рима привлекательность государств диадохов очень ослабла, и заселение греками Малой Азии, Персии и Египта, которое было очень интенсивным в первую фазу существования эллинистических государств, почти прекратилось. В Византийской же империи ни гражданская, ни военная власть не были так строго организованы, как в Риме<sup>4</sup>.

Но и после разделения государств в 395 г. латинский оставался в Восточной Римской империи вплоть до Юстиниана I (527–565) официальным языком администрации. Фактически же латынь всегда была вторым языком после греческого, и говорившие на ней чувствовали свое культурное превосходство. С другой стороны, грекоговорящие ромеи (восточные римляне<sup>5</sup>) не стремились к грецизации негреков путем устройства школ. Кроме того, внутри тех стран, где греки оставались по преимуществу жителями побережья, не было значительных греческих поселений. Отдельные городские центры, будь то Александрия в Египте, Херсонес в Крыму (Херсон)<sup>6</sup>, Антиохия в Сирии (современная турецкая Антакья) или Лаодикея (современная Аль-Ладхкия) на сирийском побережье были, конечно, по преимуществу греческими или сильно грецизированы, но греческие анклавов во внутренней Малой Азии были плотно окружены иноязычным населением. Греки жили в меньшинстве среди других народов. Поэтому греческий в эллинистических колониях был прежде всего языком образования и межатнического общения, использовавшимся вместе с аборигенными сирийско-арамейским, коптским, армянским, грузинским, латынью, а также фракийским и фригийским языками. Позднефригийский и галатский (кельтский) в Центральной Анатолии засвидетельствованы еще в IV в. н.э. [Koder 1984: 137]. Евреи в Палестине оказывали особенно ожесточенное сопротивление эллинизации. Насколько же греческий был распространен как язык межатнического общения – остается неясным. Апостол Павел, еврей, принадлежавший к диаспоре Тарса в Киликии, очевидно, говорил по-гречески лучше, чем по-арамейски. Однако Иосиф Флавий, автор “Иудейской войны” (после 70 г. н.э.) пользовался при ее написании помощью одного этнического грека.

Кроме того, не сформировался единый язык церкви, т.к. в Византии (Константинополе) существовали региональные языки (сирийско-арамейский, коптский, армянский и славянский). Это свидетельствует о весьма малой централизующей силе греческого культурного пространства. Греческий язык сыграл огромную роль в качестве культурного адстрата, но он не стал зародышем новых автономных языков и культур.

## 2.2. Историческая редукция греческого языкового пространства.

В отличие от романских стран на западе, область греческого влияния довольно рано редуцировалась: значительная часть региона попала под влияние иных культур. В течение существования Византийской империи арабами в 636 г. была захвачена Сирия, в 639 г. – византийская Месопотамия [Browning 1983: 53], в 641 г. началось арабское вторжение в Египет, который после падения Александрии в 646 г. был совершенно потерян для греческого влияния. Одновременно была захвачена Северная Африка, возникла угроза и для Малой Азии, а также Кипра. Позднейшее же временное возвращение некоторых территорий не смогло возместить языковой и культурной потери. Византийские владения в Италии были утеряны над натиском лангобардов и могли оставаться в Равеннском экзархате только до 752 г. Греческое уступило здесь романскому. То же произошло и с византийскими областями на Юге Италии, которые из-за борьбы с арабами фактически сделались независимыми и частично утратили свой язык [Browning 1983: 54], однако, как показал Рольфс [Rohlf]

<sup>4</sup> Диоклетиановское централизованное управление с начала IV в. было в VII в. заменено на провинциальное управление Гераклеем. Оно привело к ослаблению центральной власти и к усилению феодальных структур в средневизантийскую эпоху.

<sup>5</sup> Ромеи – самоназвание византийцев. (Прим. перев.).

<sup>6</sup> Херсон был основан Екатериной II не в Крыму, а в устье Днепра. Херсонес же находился в окрестностях Севастополя. (Прим. перев.).

1977: 212], эти области в определенной мере сохранили свой язык до наших дней (в Саленто и южной Калабрии); на северном побережье Сицилии это положение сохранялось до XI–XII вв. О греческом языке в Сардинии, прежде всего в окрестностях Ольбии, мы знаем меньше.

В 585 г. византийская провинция Испания, которая уже давно была романизована, была захвачена вестготами. В середине VI в. славянские народы вторглись из бассейна Дуная на Балканский полуостров, опустошили большую часть Греции, но частично остались в ней в качестве постоянных жителей (в низменности вокруг Фессалоник, в средней Греции и в Пелопоннесе, особенно в нижней долине Эвроты). Названия местностей указывают на значительные славянские поселения в качестве суперстрата и адстрата [Weithmann 1978: 150–164]. Греческая часть северных Балкан, а именно античная Мёзия, стала болгарской, Дардания – славянско-македонской, часть южной Иллирии – сербской [Browning 1983: 54]. Как и в языках других территорий, бывших ранее греческими или грецизированными, в сербском, болгарском, особенно в славянско-македонском продолжают жить греческие элементы в качестве субстрата<sup>7</sup>. И наоборот, греческий заимствовал многочисленные славизмы с ранних времен славянского вторжения [Weithmann 1978: 165–170]. Греческие прибрежные города в Тавриде (Крым), а именно Херсонес Таврический вблизи нынешнего Севастополя, Евпатория, Ялита (Ялта), Алустон (Алушта) и Пантикапей (Керчь) процветали во времена Боспорского царства (с 480 г. до н.э.), а с 108 г. до н.э. вошли в состав Понтийского царства Митридата IV Евпатора. В этом качестве они с 17 г. до н.э. по III в. н.э. попали под римское владычество. После нападений гуннов, хазар и половцев они, начиная с V в., могли с большим трудом существовать под номинальным византийским господством в VI–XII вв. Наиболее жизнеспособным оказался Херсонес, сохранивший греческие элементы и после захвата его Киевской Русью, вплоть до разрушения татарами в конце XIV в.

К концу XI в. греческое языковое пространство уменьшилось еще и потому, что большая часть Малой Азии попала под господство сначала турок-сельджуков, потом османов; в 1453 г. пал Константинополь и ядро Греции вместе с Пелопоннесом оказалось под турецким владычеством [Browning 1983: 69]. Конечно, греческий оставался здесь родным языком большинства населения, как и на ионийском побережье Малой Азии, где с древности укоренились большие греческие колонии, а также частично в Стамбуле. Отдельные прибрежные зоны Малой Азии сохранялись под местным господством как изолированные области греческого, к примеру, северное побережье от Синопа к востоку до Трапезунда (Трабзона), т.е. Понт, с несколькими долинами в Грузии. Здесь благодаря изоляции возникли обособленные греческие диалектные зоны [Browning 1983: 69]. Только в результате большого переселения (“возвращения”, Απαλλάγῃ) греков из Понта, Каппадокии, Стамбула и с ионийского побережья после Первой мировой войны (1922–1923) греческий совершенно исчезает с турецкой земли и областей Кавказа, и остается только в очень замкнутом ареале Республики Греция, Кипра, национального меньшинства в северной Албании и калабрийских, а также салентийских языковых островках; уменьшение греческого населения в пространстве между Бердянском и Мариуполем (Украина) на северном берегу Азовского моря свидетельствует о том, что выселенцы в последние годы не только стремятся вернуться в Грецию, но и осуществляют это.

### 3.1. Современные греческие диалекты: западные и восточные диалекты.

Членение греческих диалектов спорно. Одним из возможных критериев для классификации является сохранение/выпадение конечного -n в существительных среднего рода древнего класса -ο (τό παιδίον vs. τό παιδί). По этому основанию диалекты разделяются на две большие группы – западную, прогрессивную (с отпадением -n) и восточную, консервативную (с сохранением -n). Обе восходят к эллинистическому

<sup>7</sup> О морфологических и синтаксических контактных влияниях см. работы по балканскому языковому союзу, например [Sandfeldt 1930; Solta 1980].

койнэ, являясь в основном продолжением древнегреческого аттического диалекта с некоторыми ионийскими и в меньшей степени дорийскими элементами. Линия раздела восточных и западных диалектов проходит недалеко от 24° восточной долготы. Третью группу составляет цаконский диалект, происходящий из древнего лаонского дорийского диалекта Спарты. Возможно, имя “цаконы” происходит от древнего “лаконы”.

Диалектное начало выглядит следующим образом:

**А. Западная группа:**

а) диалекты, являющиеся основой новогреческого койнэ: пелопоннеский, среднегреческий, кикладо-критский;  
б) сильно отошедшие диалекты: гептанезийский (ионийские острова: Корфу [Κέρκυρα], Паксос [Παξοί], Левкада [Λευκάδα], Итака [Ιθάκη], Кефалония [Κεφαλληνία, Κεφαλλονία], Закинф/Занте [Ζάκυνθος], Кифера [Κύθηρα]); эпирский, фессалийский, македонский, фракийский;

в) еще сильнее отличающиеся нижеиталийский (Бова/Калабрия), салентинский (южная Апулия)

**Б. Восточная группа:**

а) додеканезийский (между Карпатосом и Родосом на юго-восток через Кос, Калимнос и Патмос до Икарии на северо-западе) с включением более северного Хиоса;

б) кипрский (киприотский);

в) малоазийские:

– понтийский (до 1922 г. Около 800 селений в Понте, т.е. на черноморском побережье Турции между Ионополисом/Инеболи (турецк. Инеболу)<sup>8</sup> на севере через Синопу (турецк. Синоп, родной город философа-кинника Диогена), Амисос (турецк. Самсун), а также в районе), южнее от него – Амасейя (турецк. Амасия, столица Понтийского царства и родной город Страбона), Ойнайя (турецк. Юнье), Керасунта (турецк. Гиресун), Котьора (турецк. Орду) – до Трапезунда/Требизонда (турецк. Трабзон) на востоке. Ниже Трапезунда был имевший большое значение Аргируполис (тур. Гюмюшхане); понтийские селения были также восточнее, в Ризайо (тур. Ризе) и Батуми (ныне южная, аджарская часть Грузии), также в (ранее армянской) провинции Карс в Турции и в Колхиде (Западная Грузия).

– каппадокийский (до 1922 г. 20 деревень [предположительно – выходцы из Понта – горцы) вокруг старого Назианза (греч. Ναζιανζος), т.е. восточнее Туз Гёлю, между Аксараем (провинция Нииде) и на западе, между Невшехиром на востоке и Хасангорой (греч. Αρυσος) на юге. Кроме того, в 1922–1923 гг. имелось два небольших грекоязычных анклава вокруг Силле в Ликаонии (греч. Σίλλη, в непосредственной близости к Конья, греч. Иконии, так называемый силиотский) и вокруг Фараса в Анти-Тавре восточнее Нииде. Эти диалекты формировались прежде всего в течение столетий турецкого завоевания и крестового похода благодаря разрыву хозяйственных связей, т.е. в типичной для языковых меньшинств ситуации<sup>9</sup>. В настоящее время понтийский и каппадокийский находятся в материковой Греции и испытывают угрозу со стороны стандартного греческого. Сравнительно хорошо исследованный понтийский [Παπαδόπουλος 1955; 1961; Οικονομίδης 1958; Τορταϊδης 1988] содержит возможные следы древних диалектов, более архаичных, чем койнэ, например, переход *h > e* (νύφε “невеста” < νύμφη “нимфа”, πλερώνω вместо πληρώνω “я насчитываю”). Сильная тенденция к синкопе (напр. χοράφ вместо χοράφι “земледелец”, κλέφτ’s вместо κλέφτης “вор”, θέлт’s вместо θέλεις “ты хочешь”) может быть приписана субстратному влиянию аборигенных анатолийских языков [Τορταϊδης 1988: 259].

**В. Цаконский диалект:** 9 деревень восточнее парнонских гор на восточном берегу Пелопоннеса.

<sup>8</sup> Ср. *Istanbul* < греч. στην Πόλις).

<sup>9</sup> Ср. [Τορταϊδης 1986: 41]. Иное мнение высказывает Браунинг.

### 3.2. Северные и южные диалекты.

Другая возможность группировки диалектов состоит в разделении их на северные и южные [Meillet 1938: 317]. Это различие восходит к византийским временам и проявляется в трактовке безударных гласных. В северной группе безударные *i*, *u* исчезают, тогда как *e*, *o* переходят в *i* и *u*: *va* *φυλάξεις* предстает как *υ* *φλάξι*, *κερδεμένος* – как *κιδιδμένος*, *χαίρεται* как *χέριτι*. В лесбийском существует высокостильное *ἐλευθερία* и народное *λευθερία* “свобода” как *liftirjá*, др.-греч. *ἐλεγε* “он сказал”, диалектное *ἤλεγε* как *iliji* [Kretschmer 1905: 65]. Благодаря падению безударных */i/* и */u/* в северных диалектах возникает скопление согласных, невозможное в южном греческом. Ср. лесб. [Pnats,] = др.-греч. *πινάκι* “доска для записей”, [pslos] = др.-греч. *ψιλός* “тонкий, нежный”, [a'pšlos] = др.-греч. *ὑψηλός*, др.-греч. *ψηλός* “высокий”; [tslo] = др.-греч. *κυλῶ* “я кружу, вращаю”, [vno] = др.-греч. *βουνό* “гора”, [ʹdlengu] = диалект *δουλεύω* “я работаю”; [dla] = др.-греч. *δουλειά* “работа”. [i'si h 'skon, s] = др.-греч. *ἐσύ που σηκώνεις* “ты, который поднимаешься” [Kretschmer 1905: 73; 84]. Эти звучания напоминают основанные на ярком контрасте между ударными и безударными скопления согласных в европейском португальском, особенно после выпадения */e/*, и в североитальянских диалектах за исключением лигурского и венецкого. Ср. в эмилианском *aspter* < *aspectare*, *shdel* < *hospitale*, *stmena* < *septimana*, *zrisa* < *ceresea*, *vsen* < *vecinu*, *fnoc* ‘finocchio’ [Coco 1970: 36–38].

Изоглосса (по Браунингу) проходит следующим образом: вниз к берегу Эпира и Акарнании, затем вдоль Коринфского залива, поперек Истма, вдоль границы северных гор Аттики, к югу от Эвбеи через середину Андроса, к северу от Икарии и югу от Самоса (но не включая Хиос), и так к побережью Малой Азии, оставляя к западу и югу ионийские острова, весь Пелопоннес, Аттику и большую часть Киклад [Browning 1983: 120–122]. Таким образом, к северной группе принадлежат среднегреческий, гептанезийский, эпирский, фессалийский, македонский, фракийский, понтийский и каппадокийский. Благодаря легко выделяемой изоглоссе, эта группа характеризуется еще и тем, что непрямым дополнением к ней выражено аккузативом (*σέ' δίνω* “я даю тебе”), в то время, как южная группа, к которой относится и стандартный греческий, использует генитив/датель, а также перифрастическое выражение с *σ* (*του αδελφού*, также *στον αδελφό* “брату”).

Синтаксис северных диалектов этим отчасти напоминает сельский испанский Пиренейского полуострова, в меньшей степени латиноамериканский, в котором местоимение женского рода (*la*) в форме прямого дополнения обозначает не прямое дополнение вместо ожидаемого местоимения непрямого объекта (*le*), к примеру *la doy el libro*. Но там эта морфологическая особенность служит для различения рода (*la doy el libro* vs. *le doy el libro*), но не для синтаксического различения, т.к. прямой объект легко определяется контекстом.

К южной группе, где безударные гласные сохраняются и не становятся закрытыми, относятся пелопоннесский (и вместе с ним стандартный греческий), кикладокритский, додеканезский (включая Хиос), кипрский и италогреческий. Цаконский в любом случае обособлен.

### 4. Проблема определения народной латыни.

#### 4.1. Понятие народной латыни.

Для того чтобы взвешенно оценить развитие греческого языка с романской точки зрения, необходимо решить, можем ли мы наряду с понятием народной латыни как источника всех романских языков постулировать понятие “народного греческого” для греческого византийского или Нового времени, т.е. XIX в., т.к. греческая демоника происходит не из зафиксированного письменного языка классического, эллинистического или византийского периода, – в противном случае обстоятельства истории греческого языка были бы совсем иными. Проблематика понятия “народного греческого” нами осознается именно поэтому; лежащее же в основе “народной латыни” народное здесь находит соответствие в параллельном понятии *δημοτική*.

Для правильного исторического понимания возникновения романских языков обстоятельное исследование так называемой народной латыни вообще и ее отдельных особенностей в частности является по общему признанию чрезвычайно плодотворной. Все заключается в том, чтобы не рассматривать это понятие с точки зрения старых латинистов как позднейшее развитие, как “уже не правильную латынь”, как “испорченную латынь” авторов низшего качества в литературном смысле, но, глядя глазами романиста на живые романские языки, принимать эту латынь как их источник, как типологически иную, новую латынь, как спонтанную латынь, которая отвечала потребностям общения всех граждан Римского государства во всех неформальных речевых ситуациях. В этом случае то, что связано с термином “народная латынь”, выступает не как исторически существовавший язык в определенном месте или области, в определенное время и в устах определенной народности, но как обобщенное понятие, просто противостоящее кодифицированному языку (классической латыни) и обладающее множеством разновидностей способов выражения с помощью диатопических, диастратных, диахронических вариаций внутри самой латыни. Другим подходящим наименованием могла бы быть “спонтанная латынь” (всех разновидностей). Но этот термин был бы ограничен во времени, в течение которого существовало противостояние модели нормированного языка и не было еще никаких признаков формирования романских языков, т.е. в период от 100 до 400 г. н.э. [Coseriu 1954].

В этой концепции романистики народная латынь – живой язык, т.е. изменяемый, подтвержденный языковой эволюцией, в то время как письменный язык следует унаследованной, в принципе неизменяемой норме, и поэтому он мертв. Но в историческом аспекте нельзя утверждать, что сначала возникла классическая латынь, а затем уже сформировался противостоящий ему спонтанный язык, и народная латынь должна быть поздним продуктом времени упадка Римской империи. В любом случае следует принять, что неформальный разговорный язык развивался в самый ранний период Римского государства и всегда характеризовался универсальными признаками любого разговорного языка. Но мы плохо знаем этот разговорный язык, потому что мы пользуемся только письменными источниками, которые подчиняются универсальным законам вновь используемого языка [Lausberg 1969: 30]. В историческом развитии письменный язык лежит как покрывало на живом, но угасающем в речевом акте спонтанном языке, и позволяет ему лишь изредка проявляться в тексте. Вначале они еще развиваются параллельно, но так только письменный язык обретает свой классический облик, и становится неизменной моделью для позднейшего времени, он застывает, тогда как спонтанный язык продолжает неконтролируемо развиваться и изменяться. Когда же расхождение между двумя разновидностями языка становится очень большим, мы можем говорить об отношениях диглоссии подобно тому, как мы сегодня знаем о противостоянии “bon usage” классического французского, служащего по сей день образцом, и французским обиходным языком, или же базирующегося на “Трех Коронах” тринадцатого столетия (Данте, Боккаччо, Петрарка) упорядоченного литературного итальянского и разнообразных нынешних “региональных итальянских”. Совершенно особо развивалась диглоссия *καθαρεύουσα* и *δημιωτική* в Греции XX в. до 1974 г.<sup>10</sup>; и она была таковой, начиная с первых веков н.э. до конца Византийской империи – аттицизма как литературного, официального и административного языка и разговорного обиходного языка.

#### 4.2. Характеристика народной латыни

Спонтанность народной латыни заключается в следующих чертах. Она характери-

---

<sup>10</sup> Кафаревуса, вышедшая из официального употребления с 1974 г., тем не менее, продолжала еще по крайней мере несколько лет использоваться в торжественных случаях. Автор этих строк сам слышал в сентябре 1979 г. выступление греческого посланника на кафаревусе (по случаю национального праздника Греции, так называемого Дня Охи). (Прим. перев.).

зуется большей простотой плана выражения, семантически – по отношению к грамматическим категориям [исчезновение определенных глагольных форм, как, например, герундива, активного причастия будущего времени, футурального инфинитива и активного перфекта, медиальных отложительных глаголов (*morio* вместо *morior*), а также и пассива наст. времени; падежных окончаний, среднего рода], морфологически – благодаря исчезновению сложных моделей склонения и спряжения; синтаксически – благодаря развитию простой и ясной модели предложения (главные предложения в паратаксисе, в гипотаксисе – относительные, причинные предложения, простые временные предложения с *quando*, условные предложения с *si*, но с исчезновением дополнительных, субъектных, также уступительных и сравнительных предложений). Кроме того, спонтанный язык имеет или создает ясное и, с другой стороны, преувеличенно аффектированное средство выражения. В народной латыни образование составных времен (перфект, плюсквамперфект/*trapassato prossimo*, *passé antérieur*/*trapassato remoto*) служат созданию грамматической ясности, как и новообразование будущего времени и кондиционаля, использование предлогов (исначально составных: *de ab ante*, ср. франц. *devant*, итал. *davanti*) для выражения падежей.

Большей определенности и ясности текста служит также формирование определенного и неопределенного артиклей. С этим связано и образование сравнительной степени с *magis* или *plus*, наречия на *-mente*, замена числительных-наречий (типа *semel*, *bis* и др.) на семантически прозрачные конструкции *una vices/una volta*, *duo vices/duae voltae* и т.д., и использование внешнего, т.е. образованного синтаксическим способом пассива типа “*esse/venire* + перфектное пассивное причастие + *per/de ad* + агенс” в случаях, когда субъект должен быть предметом высказывания о причиненном им действии, что, в свою очередь, не всегда является целью высказывания. Если же первоисточник остается во мраке, используется конструкция с возвратным местоимением (*se dicit* вместо высокостильного *dicitur* “говорят; говорятся”).

Все эти примеры указывают на одно: перед нами аналитический строй, оперирующий внешними, ясными грамматическими средствами, тогда как письменный язык сохраняет унаследованные внутренние, т.е. располагающиеся в самом слове грамматические средства, менее наглядные в качестве связанных морфем, т.е. более абстрактные. Со временем на этой основе развились новые формы литературного языка и различных способов выражения, но на других типологических основаниях по сравнению с традиционной концепцией, когда ошибочно исходным пунктом романских языков считается латынь.

Аффективность и обратное мышление проявляются прежде всего в лексических предпочтениях, противостоящих некоторым высокостильным, но семантически бледным словам классического языка: *testa* вместо *caput*, *manducare* или по крайней мере *comedere* вместо *edere*, *compre(he)ndere* или \**capire* (заменившее *capere*) вместо *intellegere*, *plorare* или *plangere* вместо *flere*, *adripare* или (*vela*) *plicare* вместо *advenire* или *proficisci* (ср. румын. *a pleca* “уходить”), *parabolare* или *fabulare* вместо *loqui*, *auricula* вместо *auris*, *bellus* или *formosus* вместо *pulcher*.

#### 4.3. Понятие народного греческого.

Есть ли аналогичные разговорные явления в греческом, и если да, то, с какого времени? Обосновывают ли они понятие “народного греческого”, который может быть только реконструирован, подобно народной латыни, т.к. у него не может быть письменной формы? На первый вопрос следует однозначно ответить утвердительно<sup>11</sup>. Параллели здесь бросаются в глаза. Начиная с эллинистического времени можно предполагать дифференциацию языка официального, по преимуществу письменного, и спонтанного, письменного, которая усилилась в византийское время и реализовалась в выраженной диглоссии. Народный или, лучше, спонтанный греческий отличается от

<sup>11</sup> К. Дитрих [Dietrich 1906: 81; 1971: 71] также говорит о “vulgär-κοινή”.

народной латыни в отношении хронологии и документации, что переводит вопрос его реконструкции в другую плоскость. Некоторые основополагающие изменения древнегреческой языковой системы возникли уже в эллинистическом койнэ, в частных письмах на египетских папирусах, как и в ранних библейских и апокрифических текстах. Другие фиксируются впервые в поздневизантийское время, но, возможно, имеют более древний возраст. Реконструкция приобретает глубокий смысл и убедительность, если определенное явление встречается не только в стандартном языке, но и в отдельных диалектах, к примеру, в понтийском, каппадокийском или в италогреческих говорах. Если же нет, подобно результативному перифрастическому перфекту с  $\acute{\epsilon}\chi\omega$  + инфинитив аориста (в сокращенной форме, ср.  $\acute{\epsilon}\chi\omega$   $\gamma\rho\acute{\alpha}\psi\epsilon\iota$  “я (к настоящему моменту) написал”), не засвидетельствованному в малоазиатских и южноиталийских диалектах [Rolfes 1977: 196], то форма не является древней, т.е. не может появиться ранее 1000 г. н.э.

Реконструкция народного греческого в теоретическом аспекте менее разработана, чем реконструкция народной латыни, поскольку в случае греческого имело место гораздо более явное непрерывное развитие. Эпоха всеобщей раздробленности и изоляции от нормирующего центра в греческой языковой области была по причине длительности византийского господства гораздо короче, чем на Западе, где романские языки развили отличающие их от латыни особенности с 100 по 450 г. н.э. Единство же греческого распалось только в конце византийского владычества в Южной Италии (IX в.) и прилегающих областях Малой Азии<sup>12</sup>. Такие исследователи, как Рольфс [Rolfes 1977, 218–220], подчеркивают, что названные регионы (Южная Италия и Понт), оказались сравнительно рано независимыми от метрополии и сохранили поэтому множество особенностей довизантийской эпохи, к примеру, полное сохранение в синтаксисе утерянного в других областях инфинитива (см. ниже, 5.3.). Другие грекоязычные регионы – Кипр, Северная Греция и такие острова, как Лесбос и Крит, – никогда не были изолированы в течение длительного времени от официального языка. Их можно назвать периферийными, и поэтому в них развились только отдельные особенности. Развившиеся же черты центральных диалектов, на которых основан стандартный греческий, т.е. юногреческий Пелопоннеса, документированы с византийского времени и хорошо представлены в народной поэзии. Поэтому они не нуждаются в реконструкции.

#### **5. Языковые изменения в период от эллинистического койнэ до новогреческого.**

В следующем разделе будут изложены основные звуковые, грамматические, синтаксические и лексические изменения, характеризующие развитие новогреческого по сравнению с классическим древнегреческим. Мы не можем здесь говорить подробно, не выходя за рамки статьи, о каждой отдельной эпохе истории греческого языка – об эллинистическом койнэ, византийском греческом, в котором основополагающие новшества койнэ получили дальнейшее развитие, об особенностях языка во время турецкого владычества и об образовании новогреческого со времени независимости Греции в XIX в. вплоть до отмены кафаревусы и окончательного утверждения народного языка в 1974 г.<sup>13</sup> Следующие факты не новы, но они рассматриваются здесь с новой, романистической точки зрения.

<sup>12</sup> Согласно Браунингу [Brauning 1983: 130], понтийский, возможно еще задолго до вторжения сельджуков в XII в. в Малую Азию, – во время арабского вторжения в VII–VIII вв. или даже в период зависимости от Персии в VI в. уже отделился от византийского греческого.

<sup>13</sup> Об этом см. [W. Dietrich 1995, гл. 5] с дальнейшей литературой. Принципиальные и для нашего обзора вопросы об образовании греческого национального языка, которые являются сопоставимыми с итальянским “*questione de la lingua*” составляют отдельную, не рассматриваемую здесь тему. Сопоставимо с историей французского и итальянского языка то обстоятельство, что в случае греческого можно наблюдать следующее явление: пелопоннесский является образцовым диалектом, который в противопоставлении всем остальным почти лишен индивидуальных особенностей, подобно тому, как диалект Иль де Франс противопоставлен пикардийскому или лотарингскому, а тосканский – лигурийскому или венецианскому с одной стороны, неаполитанскому и тосканскому – с другой.

### 5.1. Звуковые изменения.

В системе гласных обнаруживается меньше параллелей в народной латыни, чем в системе согласных. Начиная со второго столетия до н.э. в греческом обнаруживается утрата противопоставления гласных по долготе, но это не приводит к развитию нового качества гласных, как в народной латыни (ср. *bucca(m)* “надутая щека” > н.-лат. *bocca* > итал. *bocca*, испан. *boca* “рот”, франц. *bouche*; *site(m)* “жажда” > н.-лат. *sete*, рум., итал. *sete*, испан. *sed*, порт. *sede*, франц. *soif*). Как в сардинском и сицилийском, т.е. в зонах с сильным греческим субстратом и/или адстратом [Lausberg 1969: 149], в самом греческом, как и во всех его диалектах, не происходило дифтонгизации безударных гласных. Как и в латинском, все нисходящие дифтонги здесь монофтонгизировались, так что *ei* > [i], *ai* > [e] довольно рано, в то же время *oi* и *u* [y] совпали и в X в. н.э. превратились в [i] по закону итацизма. Превращение *η* [e:] > [i] известно также в южноитальянских областях, находившихся под греческим влиянием (большая часть Калабрии, Южная Италия и Сицилия): *σήμερον* [se:meron] > [simeron] “сегодня” подобно сицилийскому *stilla* по сравнению с лат. *stella* “звезда”. Дифтонги *eu*, *ai* развили свой полугласный путем девокализации в соответствующий фрикативный [v], т.е. превратились в монофтонги с консонантным дополнением, и это произношение уже в византийское время воспринял славянский мир, ср. *Маврикий* < *Μαυρίκιος*, *Кавказ* < *Καύκασος*, *Евгений* < *Εὐγενίος*, *Европа* < *Εὐρώπη*.

Очень значимо для дальнейшего развития языка (в частности, и для морфологии) возникшее в ранневизантийское время падение безударного начального гласного (афреза): *ἐρωτῶ* > *ρωτῶ* “я спрашиваю”, *εὐρίσκω* > *βρίσκω* “я нахожу”, *ὀλίγος* > *λίγος* “маленький”, *ὕψηλος* > *ψηλος* “высокий”, *οὐδέν* > *δεν* “не”, *ὡσαύ* > *σαν* “как”, *αὐτοῦ* > *του* “его (собственный)”, *αὐτῆς* > *της* “ее (собственный)”, *αὐτον* > *тὸν* “его” (местоимение прямого дополнения). Это чисто греческое явление, не находящее параллелей в романских языках. Оно распространилось в материковом греческом, как и в италогреческом, и захватило также аугмент в прошедших временах (ср. *ἔγραφα* “я писал” с аугментом под ударением, но *γράφει* “мы писали” – без аугмента, т.к. аугмент здесь был безударен). В остальных периферийных районах (Понт, Крит, Родос) афреза менее выражена, и аугмент сохраняется.

Но сравнимо с народнолатинским передвижением акцента на более сильно звучащий, открытый гласный в зиянии после /i/, которое превращается в образовавшемся дифтонге в /j/. Как *mul'liere* превращается в \*[mu'ljere] (> др.-франц. *moiller*, порт. *mulher*, исп. *mujer*, *fi'liolu* > \*[fi'ljolu] (> франц. *filleul*, итал. *figliuolo*), *lin'teolu* > \*[len'tjolu] (> франц. *linceul*, итал. *lenzuolo*), так же и греч. *καρδιά* > *кардиá* “сердце”, *χωρίο* > *χωριό* “деревня”, *σχολεῖο* > *околоεῖο* “школа”, *ὁποιός* > *ποιός* [pjos] “какой”, *πλέον* > *πλιο* > *пио* [rjo] “больше”. Это развитие особенно морфологически релевантно для именной флексии: *χέρι* “рука”, род.п.ед.ч. *χερίου* (хе-ρίου), им./вин.п. мн.ч. *χέρια*; *παῖδι* “ребёнок”, род.п. ед.ч. *παῖδιου*, соответственно им./вин.п.мн.ч. *παῖδια*. Зияние, репрезентирующее старое языковое состояние, сохранилось в понтийском, каппадокийском, италогреческом и на Эгине. Кроме того, оно является признаком высокого и технического языка, так что общераспространенное *καρδιá* противостоит высокому *φιλολογία*, *ἀρμονία*, *βασίλεια* “царство”. В романском ударение на -ia- является типично “греческим” (ср. порт. *academia* [i] в оппозиции к испан. *academia* [-'emja], итал. *farmacia* [i] в оппозиции к испан. *farmacia* [-'aɾja]. Славянский в этом плане консервативен, поскольку он сохраняет греческую двусложность, ср. русск. *академия*, *Мария*.

5.1.2. В области гласных /h/ исчезло, как позднее в латыни. Звонкие /b, d, g/ в период койнэ превратились в щелевые /b, d, g/. В романской области параллель этому находится только в западных языках, но только в интервокальной и на совершенно разных основаниях. В кельтской латыни такое развитие проходило на почве синтагматической фонетики как влияние субстрата. В греческом же это явление наблюдается как в середине, так и в начале слова. Параллели находятся только для

старого /b/ в области греко-латинских контактов в Южной Италии (ср. *bucca* > *vocca* [Lausberg 1964: 6]), для /d/ же только в инлауте (ср. *pede* > *pede* [Rolfes 1966: 295]). В византийское время из комбинации с гомогенными носовыми сонантами появлялись новые звонкие смычные: ⟨μτ⟩ /b/, ⟨ντ⟩ /d/, ⟨γκ⟩ /k/ благодаря деназализации прежних предшествующих носовых. Изначальные аспираты /ph/, /th/, /kh/ в койнэ превратились в глухие фрикативы /ф, θ, χ/ и сохраняются в этом качестве в стандартном языке до нынешнего дня. Как в западнороманских языках под влиянием кельтского субстрата сократились долгие латинские согласные, превратившись в звонкие, и став фрикативными<sup>14</sup>, так и в греческом долгие согласные сократились (ἄλλος /allos/ > /álos/). Когда именно это произошло при переходе койнэ к новогреческому, неясно из-за традиционной орфографии. Дальнейшие изменения, например, многочисленные палатализации в стандартном языке (и еще больше в диалектах) скрыты консервативной орфографией. Писцы времен Карла Великого понимали проблему письма как дистанцирование от латинской традиции, вследствие чего каждый язык развил свою письменную традицию, например, для обозначения новой фонемы /l/ < /l/ перед /i/ в зиянии (ср. итал. ⟨gli⟩ в *figlia*, катал. ⟨ll⟩ в *filla*, оксит. и порт. ⟨lh⟩ в *filha* < н.-лат. *fi-lja* наряду с классическим *fi-li-am*) и /n/ < /n/ перед /i/ в зиянии (ср. франц. ⟨igh⟩ – *seigneur*, ⟨gn⟩ – *mon-ta-gne*, итал. ⟨gn⟩ – *signore*, исп. ⟨n⟩ – *senor*, оксит. и порт. ⟨nh⟩ – *sehnor* < н.-лат. *se-njo-re* наряду с классическим *se-ni-o-rem*)<sup>15</sup>. Греческий же сохраняет до наших дней непрерывность языка в орфографии, несмотря на все звуковые изменения.

Типичная для романского палатализация /k/ перед /e/, /i/ в восточнороманское [ç] (ср. итал. *cielo*, румын. *cer*), в западнороманское [с] (ст.-исп. *cielo*, ст.-пол. *ceu*, ст.-фр. *ciel*) широко распространена также и в греческом за пределами Пелопоннеса, но мы из-за консервативной орфографии не знаем точно, когда начался этот процесс. В официальном языке он никогда не проявлялся и обнаруживался только в диалектных фонетических системах. Достаточно стара восходящая к койнэ палатализация /k/ > [kj] (к примеру καί [kje] “и”, κύριος [kjirjos] “господин”), известная и в румынском при вновь возникших согласных /k/ и /g/ (к примеру, *chem* [kjem] < лат. *clamo* “я кричу”, *ghem* “клубок, моток”), а также в турецком (к примеру, *köfte* [kjoefte] “котлета”, *gün* [gijyn] “день”, и в русском, при всех мягких согласных. В греческом известно звучание [с] в критском и кипрском, [с] распространено на материке севернее Афин (к примеру κύριος “господин” – [sirjos] и [çirjos]).

Фонема [с] [ĩs] не происходит из собственно греческой палатализации /k/, только в VI в. она была фонологизирована под славянским влиянием (к примеру, в суффиксе –ιτσα) и появилась затем при турецком и венецианском влиянии для передачи турецкого /џ/ и /dž/ (например, τσούβιτς “пастухи” < тур. *çoban*, ср. румын. *gioban*, болгар., серб. *чобан*; τσέπ “карман” (куртки, штанов) < тур. *cep*), соотв. венецианское /dz/ (τσόβιτα “заплата; титр (в кино), порнофильм” < венец. *zonta*, итал. *giunta*). Фонема /dz/ ⟨τζ⟩ ведет свое начало исключительно от тюркского влияния, она была заимствована еще в контактах с хазарами и утвердилась благодаря османотурецкому адстрату. Она традиционно употребляется в тюркизмах (τζαμί “мечеть”, φλιτζάνι “(кофейная, чайная) чашка” < тур. *fincan*), в настоящее время и для передачи английского /dž/ (к примеру, τζάτζ “джаз”).

Начиная с византийского времени, засвидетельствовано упрощение скоплений согласных, которое сопоставимо с народнолатинско-романским. Сочетание носового согласного с консонантом приводит к ассимиляции, затем гемината упрощается: πυνθέρως > πεθθέρως > πεθέρως “тесть”; νύμφη > νύμφη > νύφη “невеста”; ψεύμα > ψεύμα > ψέμα “ложь”; πράμα > πράμμα > πράμα “вещь”. С этим сопоставимо лат.

<sup>14</sup> Ср. *capillos* > порт. *cabelos*, исп. *cabellos*, ст.-франц. *chevels*, *capilli* > лигур. *caveli* “волосы”.

<sup>15</sup> В румынском не появлялись новые палатализованные согласные, поскольку [lj] > [j] (*folia* > *foaie*), также [nj] > [j] (*vinea* > *vie*).

*mensa* > испан., порт. *mesa*; лат. *septem* > итал. *sette*, испан. *sete* или латинизм *afectacion* в "диалоге о языке" Хуана де Вальдеса (1535) вместо нынешнего *afectacion*.

Падение конечного – /n/ в качестве падежа (винительный ед. числа у основ. на –o и –a) и морфемы рода (средний род основ на –o) засвидетельствован в народном языке поздневизантийского времени. Он характеризовал, как было отмечено в п. 3.1, стандартный язык и западные диалекты. Как обычно, это явление в новейшее время, т.е. до орфографической реформы 1982 г., не отражалось в официальных текстах. Только с этого времени названия местностей (Νερακλειο) или учреждений типа университета (Πανεπιστήμιο) стало официально писаться без –ν. О морфологическом значении этого феномена, сопоставимого с утратой –m в народной латыни см. 5.1.2. Безотносительно к этому присоединение по аналогии –n в консонантных основах могло возникнуть в фольклорных текстах на койнэ (τοῦ πατέρα вместо патера).

## 5.2. Грамматико-морфологические изменения.

В грамматической системе греческого в эллинистическом койнэ известен ряд упрощений, которые позволяют сделать интересные сопоставления с более поздними по времени явлениями в народной латыни. В греческом, благодаря потребности в простом языке колонистов, торговцев и тех, для кого греческий не был родным, сформировались категории, не выглядящие необходимыми. Только после длительного развития, т.е. только в новогреческом, можно видеть, что дело не просто в упрощении, а в типологической перестройке и формировании новых категорий, возникших благодаря инновациям, выглядящим случайными.

### 5.2.1. Преобразование системы имени.

1) В категории числа можно наблюдать очень раннюю утрату двойственного числа в аттическом, после того, как оно было утеряно в других диалектах, т.е. в эолийско-дорийском и ионийском. Оно исчезло и в койнэ высокого стиля.

2) Развитие именной морфологии в народном греческом отличается от народной латыни сохранением трех унаследованных родов – мужского, женского, среднего. В то время, как в народной латыни средний род утрачен, в греческом он не только сохранился, но и усилился – его частотность возросла. Это произошло за счет значительно большего, чем в народной латыни, распространения уменьшительных существительных, которые не только выражали аффективность, но и способствовали упрощению парадигмы склонения, т.к. неравносложная парадигма путем присоединения суффикса –ιον или –αδιον/–ιδιον становилась равносложной и устраняла все "нерегулярности". Изначальные диминутивы выступали в разговорном спонтанном языке как нормальные первичные формы, утратившие, как и в народной латыни, семантику диминутивности. Поскольку же большинство образованных в это время диминутивов было среднего рода, многие существительные изменили род благодаря уменьшительности, и частотность таких форм существенно возросла (ср. также нем. *Blume* "цветок" ж.р. – *Blümchen* ср. р., *Vater* "отец" м.р. – *Väterchen* ср. р.).

3) Падеж не исчез как синтетическая категория (как в народной латыни) и не сформировался заново как аналитическая категория, т.е. с помощью предлогов. Но древнегреческая система четырех падежей оказалась редуцированной. Уже в эллинистический период датив стал заменяться перифразой с предлогом εἰς "в (по направлению)" или же, особенно у местоимений, выражаться генитивом (ἐμοῦ "мне"). С X в. н.э. синтетический датив совершенно исчез в народном языке и стал выражаться либо генитивом, либо, в более нормированном языке, названной предложной конструкцией. Ее нельзя назвать полноценным падежом, так как она находится в ряду аналогичных предложных именных конструкций, управляющих аккузативом (γὰρ τοῦ πατέρα "для отца", ἀπὸ τῆ μητέρα "от матери"). Другие виды управления с генитивом и дативом являются пережитками кафаревусы (μετὰ 'χαράς "с радостью", ἐν μέσῳ οὐδὲ "на середине улицы").

4) В именной флексии уже в койнэ возникли формы по аналогии, в которых избыточны типичные аттические "нерегулярности": вместо δόξα, δόξης появляются

косвенные падежи с тем же гласным, что и в номинативе, т.е. δόξα, δόξας; также и ὁ ταμίας, τοῦ ταμίᾱ вместо прежнего ὁ ταμίας, τοῦ ταμίῳ "управляющий"<sup>16</sup>. Как и в народной латыни, формы аккузатива стали основой начальной формы многих слов, особенно в консонантном склонении (\**ratione* < *rationem*); так, начиная с византийского времени, возникают новые формы номинатива на базе аккузатива: им. п. πατήρ, вин. πατέρα > им. πατέρας, род./вин. πατέρα; им. μήτηρ, вин. μητέρα > им./вин. μητέρα, род. μητέρας. В параллель к народной латыни осуществлен принцип равносложности парадигмы, как в склонении на -а и -ο.

5) Как и в народной латыни, либо склонение изменилось по роду (παρθένος ж.р. "девушка" > παρθένα, παρθένη), либо род по склонению (πλατανός ж. > м.р. "платан"), либо склонение изменилось благодаря присоединению нейтрального уменьшительного суффикса (ἄμπelos ж.р. "виноградная лоза" > ἀμπέλι), либо избирается один синоним (ἡ ὁδός "улица" заменен народным ὁ δρόμος).

6) В сравнительной степени прилагательных формы по аналогии заменяют нерегулярные старые формы (ταχύτερος, ταχύτατος вместо θάττω "более быстрый", τάχιστος "самый быстрый"). В настоящее же время в народном языке, как и в романских, степени сравнения образуются по преимуществу аналитическим способом, в общем сходным путем. Сравнительная степень образована постановкой перед прилагательным частицы πλεον (< πλεον "больше", πλεον ὡραῖος "более красивый", πλεον καλός "лучше"), превосходная степень – посредством актуализирующей идентификации повышенного качества, т.е. постановки определенного артикля (ἡ πλεον ὡραία γλῶσσα "самый красивый язык"). Наряду с народными аналитическими формами имеются и синтетические, которые относятся не только к каферевусе, но и к изысканному стилю, например, ὡραϊότερος "более красивый", βαθύτερος "более глубокий". Некоторые формы вполне употребимы в разговорном языке, как сравнительная степень от πολὺς "многий" – περισσότερος, ср. οἱ περισσότεροι "большинство". В отличие от греческого, романские сравнительные степени образуются от немногих прилагательных и почти всегда в переносном смысле (порт. maior "больший", menor "меньший" в конкретном значении, по исп. mayor, итал. maggiore в переносном – "большой" = "более важный" или "более старый"). Конструкция объекта сравнения при сравнительной степени воспроизводит древнегреческий отложительный генитив с από: Πιο ψηλός από τον Γιάννη "выше (больше), чем Иван", подобно итал. Più grande di Giovanni, румын. Mai înalt decît Ion.

Подобно тому, как в романских языках используются элативные формы (ср. итал. bellissimo, испан. elegantissimo и т.д.), в греческом имеются элативные образования с суффиксом -ότατος. Но они в малой степени являются народными, поскольку являются по большей части учеными терминами (ὡραϊότατος "очень красивый", βαθύτατος "очень глубокий", особенно κάλλιστος "очень хороший" от καλός или μέγιστος "очень большой" от μέγας "красивый"). Народные элативные формы, напротив, образуются иначе, чем в романском – частично присоединением префикса ката-(катакаварός "чистый до блеска"), чаще же всего используется продуктивное и распространенное в греческом, как в немецком, словосложение типа θεόγυμνος "совершенно голый".

### 5.2.2. Перестройка глагольной системы.

1) Из трех глагольных залогов в койнэ слились два – медиальный и пассивный<sup>17</sup>.

<sup>16</sup> Это явление возникло задолго до возникновения эллинистического койнэ. Оно засвидетельствовано уже в "Анабасисе" Ксенофонта (IV в. до н.э.). (Прим. перев.).

<sup>17</sup> В презенсе пассив и медий слились не в период койнэ, а значительно раньше. Уже в гомеровское время их флексии и основы были идентичны: различались они лишь в аористе. С точки зрения исторической грамматики правильнее говорить о том, что пассив – одна из поздних функций медиальной флексии. Как отдельная форма пассив образуется в презенсе лишь немногих индоевропейских языков, например, в древнеиндийском. Особенность новогреческого состоит в том, что формальная оппозиция медия и пассива устранена не в системе презенса, а в системе аориста. (Прим. перев.).

Функционально же медий являлся более древней глагольной категорией, которая с этого времени могла выражаться пассивом. Он перенял медиальные функции: рефлексив (πλύνωμαι "я умываюсь"), внутреннее самонаправленное действие (γίγνεσθαι "становиться" или ἐνθυμῆσθαι "задумывать, отваживаться") и сохраняет в текстах до наших дней свою функцию как пассив с выраженным агенсом. На основании новогреческих данных, где пассив с агенсом (το σπíti χτίστῃκε ἀπό ξένους "дом был построен иностранцами") редок и не распространен в народном языке, можно предположить, что в разговорном койне такое употребление медиа было малоупотребимо. В новогреческих грамматиках обычно либо утверждается существование пассива, либо речь идет о "медиапассиве" [Ruge 1986: 143]. И то, и другое не подтверждается с функциональной точки зрения и базируется на заимствовании либо из древнегреческой традиции, либо из современных иностранных языков.

В противоположность активной диатезе, нацеленной при переходных глаголах на прямой объект, медиальная диатеза характеризуется явной направленностью на субъект и внутренней "рефлексивностью". Она выражает то, что произошло с субъектом, но не деятельность субъекта. Поэтому она проявляется прежде всего в непереходных предложениях: Το σπíti χτίστῃκε το 1993 означает прежде всего не "Дом был построен в 1993 г.", но "возник в 1993 г.", ср. венгер. *epult 1993 -ban*, где *ep-ul-ni* в оппозиции к переходному *ep-it-eni* "стоит" выражает медиальное событие (с помощью семы "строить"). В романских языках здесь развилась так называемая безличная рефлексивная диатеза, которое сходным образом маркирует событие, произошедшее с субъектом: исп. *Esta casa se construyó en 1993*. Если агенс отсутствует, нет необходимости заявлять какую-либо иную, например, пассивную функцию медиа. Значение медиального события обнаруживает и эти варианты обозначения: "Дом {возник [1993] благодаря постройке} благодаря греческим рабочим", ср. исп. *Esta casa se construyó en 1993 por obreros griegos*. Предложение типа ἄντρας πλύνεται может быть переведено как "человек моется", но в системе греческого предложения оно не является ни рефлексивным, ни пассивным, ни безличным, но именно медиальным: "человек переживает мытье" или, в безличном смысле, "с человеком происходит/случается мытье". Для примера типа σκοτώθηκε στο πόλεμο [Ruge 1986: 143] возможен такой перевод на язык, где известен пассив: "он убит на войне", и он может быть доказательством существования в греческом пассива. Но если наша интерпретация греческой категории медиа как выражения события, свершившегося с субъектом, но не благодаря субъекту, правильна, то здесь возможна соответствующая языковой системе интерпретация "он познал смерть на войне, он погиб на войне", и мы не можем говорить о пассивном значении. Параллели романским языкам здесь прямые, т.к. в романских языках по образцу греческого медиа преобразовалась категория возвратных местоимений, которые стали подчеркивать внутренние процессы в субъекте: *se come una naranja* "он ест (с удовольствием, т.е. с внутренней заинтересованностью) апельсины", а также упоминавшиеся процессы, обозначенные как безличные (франц. *La Marseillaise se chante debout* "Марсельезу поют стоя"; итал. *Si mangia alle nove* "была еда в девять" [W. Dietrich 1987: 252–254]).

2) Из четырех наклонений – индикатив, конъюнктив, опатив, императив, – опатив в эллинистическое время был утерян как форма и как функция и вытеснен конъюнктивом. Конъюнктив же претерпел морфологическую перестройку. В койне обнаруживается явный фонетический синкретизм конъюнктива и индикатива, так что орфографически различные формы λύεις/λύης, λύομεν/λύωμεν произносились одинаково. Та же проблема возникает и для конъюнктива аориста и индикатива футурума (λύσης – λύσεις, λύωμεν – λύομεν). В новогреческом конъюнктив, выражавший исключительно цель и этим сильно напоминающий румынский, сначала маркировался синтагматически частицей *να*, происходящей из союза *ίνα* (γράφεις "ты пишешь" – *να* γράφεις "чтобы ты писал"). Но картина совершенно меняется, когда

рассматривается аористный конъюнктив, оформленный и морфологически (и α ὑράψεις "чтобы ты написал (совершенный вид)"). Таким образом, конъюнктив существует частично как морфологическая, частично как синтаксическая категория. Поскольку же греческий конъюнктив образуется, как и румынский, с синтаксической точки зрения, совершенно иначе, чем конъюнктив в остальных романских языках, где он является прежде всего неактуальным модусом [W. Dietrich 1981], я сейчас не углубляюсь в его рассмотрение.

Как подчеркивается в дальнейшем изложении, в результате перестройки системы времен и аспектов возникли два новых наклонения – кондициональ и пресумптив. Они будут рассмотрены ниже (5.2.2.3 е).

3) А. Перестройка системы времени може быть рассмотрена только вместе с системой аспектов. Древнегреческая оппозиция между курсивным аспектом, обозначавшим действие в процессе, и поэтому выражающим длительность и повторение, и комплексным аспектом, представляющим действие как целостность, и выражающим в речи значение единичности, а в рассказе – последовательность действия, – сохранилась и даже развилась в новогреческом. В противоположность романской глагольной системе, ориентированной на время, греческая ориентирована на аспект. В то время, как аспектные оппозиции в древнегреческом охватывали только прошедшее время (имперфект, аорист), в византийском народном языке они распространились и на будущее время (θα ὑράψω – θα ὑράψω), скорее всего благодаря сочетанию "хотеть" с аористным инфинитивом (θελω ὑράψαι), которое было затем заменено на личную конструкцию с конъюнктивом (θέλω να ὑράψω). Оппозиция "курсивность – комплексность", существовавшая в древнегреческом императиве, функционально сохранилась; морфологически, однако, императив присоединился к презенсу (ὑράψον > ὑράψε; ὑράψατε > ὑράψετε).

В. Для народного греческого, как и для народной латыни существенна характеристика перестройки глагольной системы как стремления к большей ясности и простоте. Уже в койнэ можно наблюдать формы по аналогии с более простой парадигмой (δείκνυμι и δείκνυώ "я показываю"), и совершенно нерегулярные формы (οἶδα, οἶσθα, ...ἴσμεν) "знать" упростилась (οἶδα, οἶδας, οἶδαμεν...). В византийское время обнаруживается, что при большом разнообразии презентных и аористных корней нередко именно аористный корень становится основной глагольной формой, от которой образуется презенс по аналогии с другими, регулярными глаголами. По образцу аориста ἔφθασα "я успел" и презенса φθάνω от аориста ἔδεσα "я связал" образуется новый презенс δένω, вместо δέω, χύνω "я лью" вместо χέω, φέρνω "я приношу" наряду с классическим φέρω, керνω "я угощаю" вместо керάω, вместо κίρηντι "я смешиваю", πέρνω "я иду вперед" вместо περάω. Ἀφίηντι "я покидаю" было заменено на ἀφήνω, δίδωμι "я даю" – δίνω по образцу аориста ἔδωσα "я дал". В романских языках можно видеть этому следующую параллель в том, что многие "нерегулярные" глаголы классической латыни заменяются "регулярными", которые образуют из алломорфа страдательного перфектного причастия новое спряжение на -a (ср. *oblivisci – oblitus – \*oblitare* > рум. *a uita*, исп. *olvidar*, франц. *oublier*; *audere – ausus – \*ausare* > франц. *oser*, исп. *osar*, порт. *ousar*, итал. *osare*; *uti – usus – \*usare* > итал. *usare*, исп. *usar*, франц. *user*).

С. К параллелям с романскими языками относится также описанное выше морфологическое преобразование будущего времени. В греческих текстах синтетическое будущее сохранялось довольно долго, но уже в койнэ оно стало утрачивать значение, как показывают многочисленные перифразы (например, с "хотеть"<sup>18</sup>). Эти перифразы в византийский период стали еще чаще, но тлько в период турецкого владычества частица θα, образованная из сокращенных личных форм глагола θέλειν,

<sup>18</sup> Древнейшие образцы перифрастического футурума появляются уже у Гомера (μελλω + инфинитив). В эллинистическое и византийское время существовали самые разнообразные перифразы для выражения футурума, из которых в новогреческом сохранилась лишь одна (Прим. перев.).

стала морфемой футурума. В сочетании с конъюнктивом презенса или аориста, сокращенным до частицы *va*, и сформировался новогреческий футурум. Эти формы находят прямые параллели в румынском, единственном романском языке, обладающим не просто перифрастическим футурумом, но конструкцией с глаголом "хотеть" и полной инфинитивной формой типа *voi cînta < vleo cantare*, а также конструкцией с развившейся частицей *o* и подчиненным конъюнктивом: *o să cînt* "я буду петь". В соседних с греческими южноиталийских диалектах образуются формы будущего времени с *habere*, перифрастические и в наше время (к примеру, *aggiu ffare* 'fago' "я сделаю", *anim a ffare* 'faremo' "мы сделаем" [Rolsf 1968: 335]).

D. Подобно тому, как в романских языках вместе с образованием будущего времени возник также кондициональ как новая категория (*\*cantare habebam* > исп. *cantaría*, франц. *je chanterais*), в народном греческом со времени турецкого господства вместе с перестройкой футурума появились новые глагольные формы, которые образованы с помощью имперфекта или аориста спрягаемых глаголов. Они, однако, имеют совсем иную функцию, чем романский кондициональ (за исключением румынского), который функционирует в последовательности времен как имперфект футурума, т.е. как неактуальное будущее ([Coseriu 1976: 148–154], ср. франц. *Il me promet qu'il viendra – il m'a promis qu'il viendrait*). В противоположность этому ни в греческом, ни в румынском, ни в подвергшихся греческому влиянию южноитальянских диалектах (Саленто, южная Калабрия, северная и восточная Сицилия) нет подобной последовательности времен, и кондициональ не обозначает будущего действия в зависимости от прошедшего времени. Греческий и румынский кондициональ появляется в ирреальном гипотетическом периоде, когда условия не выражены. Он появляется единожды, и только в протасисе, тогда как в аподосисе стоит имперфект (θα ἔρχομαι, ἂν ἀδεῖαζα "я бы пришел, если бы имел время"), или же в качестве выражения следствия из условий, когда протасис отсутствует (θα χρεῖαζόταν πολὺς κόπος γὰρ μὰ τέτοια δοῦλεῖν "следовало бы приложить много усилий для такой работы", ср. [Ruge 1986: 115]). Из способа образования с частицей *θα* и из логики времени очевидно, что стоящие в вопросительном предложении формальные категории выражают отношение к будущему. И неудивительно, что ὑποθετικὴ (ἐγκλιση) '(modus) conditionalis' также и без отношения к условиям настоящего времени может в "discours indirect libre" выражать перспективу будущего времени (Τὴν ἐπομένην μέρα θα σηκνωόταν ὠρὶς "На следующий день он бы встал рано"). В румынском отношения примерно таковы же, но здесь кондициональ должен стоять не только в протасисе, но и в аподосисе условного высказывания (что не соответствует синтаксису других романских языков), например. *Daca as pleca de dimineață aș ajunge la timp* "если бы я утром вышел, я бы пришел вовремя". В южноитальянских диалектах не образовалось никакой формы кондиционаля, и они используют имперфект, как многие другие романские языковые зоны, где кондициональ не распространен (например, в португальском, сельском испанском, каталанском, окситанском и итальянском).

E. Когда футуральное *θα* сочетается со спрягаемым глаголом в аористе, то этим выражается не просто совершенный вид. Это бы не имело и логического основания, т.к. обусловленное действие вряд ли может быть интерпретировано как завершенное. Выраженная таким образом завершенность интерпретируется как законченность в последующем времени, и это тогда, когда контекст в общем не содержит ничего, кроме логического вывода из законченного действия. Эта форма считается у некоторых лингвистов особым наклонием, которое может быть названо пресумптивом, или модусом логического вывода: *θα ἔγραφα* "я, конечно, должен написать, я, конечно/возможно, написал"; *θα τέθανε* "он, вероятно, умер". Среди романских языков в румынском есть именуемый по традиции *mod prezumptiv*, статус которого спорен. [Gramatica 1966, I: 216]. Он образован конструкцией *a fi* + герундий, по преимуществу в будущем времени или кондиционале: *Oi fi mirosind...* *Am gustat de dimineață niște anghelica* (Караджале) "Я буду сегодня этим пахнуть!.. Я сегодня утром пробовал

настойку из дудника"; *Ar fi find asta dorința prințesei* (Садовяну) "Действительно ли это желание принцессы?" [Gramatica 1966, I: 223]. В греческом и романских статус этой грамматической формы не является дискуссионным.

Ф. Наряду с первичной оппозицией между "курсивным" (имперфект) и "комплексным" (аорист) аспектом, в древнегреческом имела оппозиция между прошедшими временами без связи с настоящим (аорист и имперфект) и со связью с настоящим (перфект). Связь с настоящим у перфекта означает продолжение прошедшего действия до настоящего времени, а также состояния, следующего из действия. Эта функция сохранилась в истории греческого, но была морфологически перестроена и семантически уточнена. Уже в койнэ синтетический перфект последовательно исчезал. Он часто морфологически сливался с аористом:  $\pi\epsilon\pi\omicron\iota\eta\kappa\alpha\tau\epsilon$  (перф.)  $\chi\epsilon\pi\omicron\iota\eta\sigma\alpha\tau\epsilon$  (аор.) >  $\epsilon\pi\omicron\iota\eta\kappa\alpha\tau\epsilon$  "вы сделали". С точки же зрения семантики перфект теряет свою функцию продолженности в настоящем и превращается во время рассказа. Выражение прошедшего действия в настоящем возникает вместе с перифрастическими формами ( $\gamma\epsilon\upsilon\gamma\alpha\mu\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu$   $\eta\upsilon$  "было написано", соотв.  $\gamma\epsilon\upsilon\gamma\alpha\mu\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu$   $\epsilon\sigma\tau\acute{\iota}$  "написано"). Только в первые столетия новой эры появляется новый, ставший в будущем преобладающим перифрастический перфект и плюсквамперфект с  $\epsilon\chi\epsilon\nu$  + инф. аор. ( $\epsilon\acute{\iota}\chi\epsilon\nu$   $\pi\acute{\iota}\alpha\sigma\epsilon\nu$  "он взял"), сокращенный в новогреческом на оба - $\nu$  ( $\epsilon\acute{\iota}\chi\epsilon$   $\pi\acute{\iota}\alpha\sigma\epsilon\iota$ ). Проблема влияния этой перифразы на формирование романской перифразы типа *habere* + перфектное страдательное причастие (франц. *j'ai chanté*) не может здесь быть рассмотрено. В крайних восточных диалектах (понтийском и каппадокийском) данная перифраза неизвестна, она могла исчезнуть благодаря сильному турецкому влиянию. В итало-греческом (в калабрийском) она частично отсутствует или представлена слабо (Саленто, ср. [Rolfes 1977: 196–198]). Греческим влиянием можно объяснить отсутствие "passato prossimo" и его замену на синтетическое "passato remoto".

Г. Проспективный взгляд из настоящего, существующий в романских языках в форме франц. *je vais chanter*, исп. *voy a cantar*, в древнегреческом выражен перифразой "идти" + причастие будущего времени ( $\epsilon\gamma\chi\omicron\mu\alpha\iota$   $\phi\acute{\rho}\alpha\sigma\omega\nu$  "Я собираюсь это рассказать", Геродот), которая могла служить образцом для романской конструкции [W. Dietrich 1973; 1983, гл. 5.4]. В новогреческом благодаря исчезновению футурального причастия эта перифраза существенно перестроилась и состоит теперь из глагола "идти" в презенсе или имперфекте и типичной подчинительной целевой конструкции с конъюнктивом аориста, например,  $\pi\acute{\alpha}\omega$   $va$   $\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omega$  "je vais écrire",  $\pi\eta\gamma\alpha\iota\epsilon$   $va$   $\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\epsilon\iota$  "il allait écrire". Собственно же глагольные аспектуальные перифразы древнегреческого, которые в латыни стали образцом, к примеру, исп. *estoy escribiendo*, *vengo escribiendo*, *sigo escribiendo*, *tomo y me voy* [W. Dietrich 1973; 1983] в древнегреческом, по крайней мере в стандартном языке не сохранились. Следует отметить, что они неизвестны также в румынском и италогреческом, в обоих языковых областях, которые подвергались прямому греческому влиянию, а не только косвенному, через народную латынь. Это прямое греческое влияние могло иметь место только в раннюю византийскую эпоху, после распада римского единства. Тогда, после ранней эпохи контактов в период Римской империи, и разошлись пути греческого и латинского языкового пространства.

### 5.3. Изменения в синтаксисе.

Из-за ограниченности объема мы вынуждены ограничить описание комплекса синтаксических черт только некоторыми наблюдениями, хотя мы бы могли показать здесь, как и во многих других областях морфологии (местоимения) и словообразования, многочисленные типологические параллели к стратегиям неформальной экспрессивной устной речи [Koch, Oesterraicher 1990]. Греческий отличается от романских, немецкого, других европейских языков конструкциями с качественными морфемами-глаголами (так называемыми модальными глаголами) и дополнительными предложениями (подобно румынскому и маргинальным южноитальянским диалектам) в

двояком аспекте. Это прежде всего конструкции с совпадающими субъектами, которые из-за отсутствия инфинитивов образованы только личными глаголами. Носителю другого языка это бросается в глаза особенно при качественных глаголах:  $\mu\tau\omicron\rho\acute{\omega}$  *va*  $\acute{\epsilon}\rho\theta\omega$   $\acute{\alpha}\upsilon\rho\iota\omicron$ , рум. *pot să vin mîine*, дословно "я могу, что я приду завтра". Южноитальянские диалекты тоже разделяют эту типологическую черту, которая, согласно Рольфсу, не просто совпадает с греческим синхронно-типологически, но и исторически основана на греческом субстрате Великой Греции: ср. южноитал. калабр. *Voliti mi veniti* "вы хотите прийти", румын. *Vreți să veniți*; калабр. *non bolì mi resta* "он не хочет остаться", румын. *nu vrea să rămîna*; калабр. *avimì mi partimì*, итал. *'dobbiamo partire'* "мы должны уйти", румын. *trebuie să plecăm*; салент. *vògghiu a mbèu*, итал. *'voglio here'* "хочу пить", румын. *vreau să beau* [Rolfs 1969: 104–106].

Другое различие между греческим и балканскими языками с одной стороны (с включением крайнего юга Италии), остальными романскими языками – с другой состоит в используемых в них конструкциях. Большинство романских языков устранили различие между вводящим повествовательные предложения союзом *quod/quia* и вводящим целевые предложения *ut* в пользу первого и обобщили единый союз придаточного предложения *que/che*, тогда как румынский и южноитальянские диалекты сохранили это различие: такой союз, как румын. *ca*, южноитал. *ca* вводит, грубо говоря, индикативные повествовательные предложения, союз *sa*, как и южноитал. *tu* (с вариантами) – конъюнктивные целевые предложения. В упомянутых южноитальянских диалектах различается по греческому образцу *che* и *tu* (Калабрия) < лат. *modo*; *u(nn)* (Кротона) < лат. *unde*, *a* (Саленто) < лат. *ac*. Дальнейшие детали см. [Rolfs 1969: 104–106].

В греческом различаются повествовательные союзы  $\omicron\tau\iota$  и  $\tau\omega\varsigma$  от *va*, который может быть охарактеризован как повествовательный. Он стоит перед предложениями с целевым значением, например, соответствующим упомянутому южноитальянским и румынским:  $\theta\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\tau\epsilon$  *va*  $\acute{\epsilon}\rho\theta\epsilon\tau\epsilon$ , италогреч. (калабр.) *thèlite na èrtite* "вы хотите прийти";  $\delta\epsilon$   $\theta\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota$  *va*  $\mu\acute{\epsilon}\iota\nu\epsilon\iota$ , калабр. *e thèli na mini*;  $\pi\acute{\rho}\epsilon\pi\epsilon\iota$  *va*  $\phi\acute{\upsilon}\gamma\omicron\theta\mu\epsilon$  дословно "необходимо, чтобы мы пошли", калабр. *èxome na xoristúme* (но также и в других предложениях желания:  $\epsilon\lambda\pi\acute{\iota}\zeta\omega$  *va*  $\rho\theta\acute{\omega}$   $\acute{\alpha}\upsilon\rho\iota\omicron$  "я надеюсь, что я приду утром/прийти утром"; румын. *sper să vin mîine*).

#### 5.4. Изменения в лексике.

В заключение рассмотрим некоторые из многочисленных примеров развития греческого лексического фонда. Оно осуществлялось по тем же принципам, что и в народной латыни. Уже в эпоху койнэ над нерегулярными и семантически нейтральными лексемами стали преобладать слова не только морфологически более простые, но и семантически более ясные, образные и выразительные. Примеры.  $\pi\rho\acute{\omicron}\beta\alpha\tau\omicron\nu$ , изначально "мелкий рогатый скот" вместо  $\omicron\iota\varsigma$ ,  $\omicron\iota\acute{\omicron}\varsigma$  "овца", ср. н.-греч.  $\pi\rho\acute{\omicron}\beta\alpha\tau\omicron$  "овца". В народной латыни Италии вместо лат. *ovis* "овца" употреблялось *pecora* "мелкий рогатый скот" (итал. *pecora*);  $\pi\omicron\upsilon\tau\iota\kappa\acute{\omicron}\varsigma$  (изначальное название ласки как "мышь из-за моря") вместо  $\mu\acute{\upsilon}\varsigma$ ,  $\mu\acute{\upsilon}\acute{\omicron}\varsigma$  "мышь", ср. н.-греч.  $\pi\omicron\upsilon\tau\iota\kappa\acute{\iota}$  "мышь";  $\pi\lambda\omicron\iota\omicron\nu$  вместо  $\nu\alpha\acute{\upsilon}\varsigma$ ,  $\nu\eta\acute{\omicron}\varsigma$ / $\nu\epsilon\acute{\omega}\varsigma$  "корабль", ср. н.-греч.  $\pi\lambda\omicron\iota\acute{\omicron}$  "то же";  $\nu\acute{\epsilon}\alpha\rho\acute{\omicron}\nu$ ,  $\nu\eta\rho\acute{\omicron}\nu$  "свежее, ясное" вместо  $\acute{\upsilon}\delta\omega\rho$ ,  $\acute{\upsilon}\delta\alpha\tau\omicron\varsigma$  "вода", ср. н.-греч.  $\nu\epsilon\rho\acute{\omicron}$  "вода";  $\acute{\omega}\tau\iota\acute{\omicron}\nu$  – аффективный диминутив вместо  $\omicron\upsilon\varsigma$ ,  $\acute{\omega}\tau\acute{\omicron}\varsigma$  "ухо" – н.-греч.  $\alpha\upsilon\tau\acute{\iota}$  "ухо".

Другие заслуживающие внимания примеры – греч.  $\mu\acute{\upsilon}\tau\eta$  "нос" < др.-греч.  $\mu\acute{\upsilon}\tau\iota\varsigma$  "морда" вместо  $\rho\acute{\iota}\varsigma$ ,  $\rho\acute{\iota}\nu\acute{\omicron}\varsigma$  "нос";  $\phi\epsilon\upsilon\upsilon\gamma\acute{\alpha}\rho\iota$  собственно "светящееся" вместо др.-греч.  $\sigma\eta\lambda\acute{\eta}\nu\eta$  "луна", которое в настоящее время используется только в специальном языке;  $(\delta)\phi\acute{\alpha}\rho\iota(\omicron\nu)$  "закуска (к примеру, из рыбы)" > "рыба" вместо древнегреческого  $\acute{\iota}\chi\theta\acute{\upsilon}\varsigma$ , сохранившегося только как имя созвездия, в глагольной области –  $\epsilon\upsilon\pi\acute{\omicron}\rho\epsilon\omega$  "изобилывать" X  $\acute{\epsilon}\mu\pi\omicron\rho\omicron\varsigma$  "купец, торговец" >  $\mu\tau\omicron\rho\acute{\omega}$  "мочь" вместо др.-греч.  $\delta\acute{\upsilon}\nu\alpha\sigma\theta\alpha\iota$ . Подобно тому, как в латинской языковой области нейтральные *capere*, *tollere*, *sumere* "брать" заменены на "хватать" (*pilare*/\**piliare* > итал. *pigliare*, также *pre(he)ndere* > франц..

катал. *prendre*, итал. *prendere*), так и др.-греч. λαμβάνειν "брать что-то в руки", также "получать" приобрело переносный смысл и было заменено выразительным "поднимать" – ἐπαίρω > н.-греч. παίρω "брать, выхватывать", но также и "получать". Существенную романскую параллель представляет румынский с *a lua* "брать" < *levare*, а также Южная Италия, Сардиния и далматинский (вельотский) язык, где производные от *levare* тоже означают "поднимать".

Свойственную спонтанному языку семантическую проясненность можно наблюдать и в предложениях. В противоположность древнегреческому новые составные предложения суть таковы: ἀπό πάνω ἀπό (το τραπέζι) "через (стол)", ἀπό κάτω ἀπό (το τραπέζι), исп. *debajo de (la mesa)* "под столом", ἀπό πίσω ἀπό (το βουνό), исп. *detrás de (la montaña)* "за горой" и т.д.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сделанные в параграфе 5 по необходимости краткие наблюдения доказывают, с нашей точки зрения, то, что мы утверждали во введении: при всех основополагающих различиях греческий характеризовался спонтанным языковым развитием, соответствовавшим тем же универсальным принципам неформальных универсальных языковых форм, что и народнолатинско-романская область. Из этого следует возможность говорить о народном греческом и тогда, как мы показали, когда исторические предпосылки были существенно иными. В обоих случаях наряду с языком высокой культуры (литературный греческий, классическая латынь) из менее системного разговорного языка развивался новый стандартный язык, с большим успехом на Западе, чем на Востоке. Но в лингвистической точки зрения греческое языковое пространство менее дифференцировано, чем латинское. К сожалению, мы здесь смогли это лишь отметить, частично в области фонетики, частично морфологии, частично синтаксиса, но не представить подробно (при этом надо добавить, что многие детали греческих диалектов исследованы до сих пор неудовлетворительно).

Кроме того, многочисленные морфологические и синтаксические соответствия показывают, что в итальянских диалектах Юга, как многообразно доказал еще Рольфс, следует предполагать существенный греческий субстрат<sup>19</sup>. Кроме того, мы можем наблюдать очевидный греческий адстрат в румынском, сформировавшийся, с нашей точки зрения, в ранневизантийский период многие особенности румынского языка благодаря прямым контактам греков и проторумын в бассейне Дуная. Часть этих соответствий отмечается в дискуссиях о балканском языкознании [Sandfeld 1930; Solta 1980]. Но здесь рассмотрены еще не все существенные моменты, связанные со значительным влиянием греческого на румынский.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Browning R. 1969–1983 – Medieval and modern Greek. Cambridge. 1969–1983.  
Claußen Th. 1905 – Griechische Elemente in den romanischen Sprachen // Neue Jahrbücher für das klassische Altertum. 15. 1905.  
Coco F. 1970 – Il dialetto di Bologna. Fonetica storica e analisi strutturale. Bologna. 1970.  
Coseriu E. 1954 – El llamado "latin vulgar" y las primeras diferenciaciones romances. Breve introducción a la lingüística románica. Montevideo, 1954.  
Coseriu E. 1968 – Graeca Romanica // Baehr R.; Wais K. (Hrsg.), Serta Romanica. Festschrift für Gerhard Rohlfs zum 75. Geburtstag. Tübingen. 1968.  
Coseriu E. 1972 – Das Problem des griechischen Einflusses auf das Vulgärlatein // Sprache und Geschichte. Festschrift für Harri Meier zum 65. Geburtstag. München. 1972.  
Coseriu E. 1976 – Das romanische Verbalsystem. Tübingen. 1976.  
Dieterich K. 1904–1906 – Neugriechisches und Romanisches // KZ. Bd. 37. 1904; Bd. 39. 1906.

<sup>19</sup> Корректнее было бы говорить о суперстрате: итальянцы пришли в Италию примерно в XII в. до н.э., греки – в VIII–VII. (Прим. перев.).

- Dietrich W. 1973 – Der periphrastische Verbalaspekt in den romanischen Sprachen. Tübingen. 1973.
- Dietrich W. 1981 – Actualité et inactualité de l'action. Les fonctions modales dans le système verbal des langues romanes / Logos semantikos. *Studia linguistica in honorem Eugenio Coseriu 1921–1981*/Hrsg. von Chr. Rohrer. Berlin; Madrid. 1981.
- Dietrich W. 1987 – Grammatische Metaphorik. Über die figurative Verwendung grammatischer Kategorien // *Sprachwissenschaft*. Bd. 12. 1987.
- Dietrich W. 1995 – Griechisch und Romanisch. Parallelen und Divergenzen in Entwicklung. Variation und Strukturen. Münster. 1995.
- Gramatica 1966 – Gramatica limbii române. București. 1966.
- Koch P., Oesterreicher W. 1990 – Gesprochene Sprache in der Romania: Französisch. Italienisch. Spanisch. Tübingen. 1990.
- Koder J. 1984 – Der Lebensraum der Byzantiner. Historisch-geographischer Abriss ihrer mittelalterlichen Staates im östlichen Mittelmeerraum. Graz; Wien; Köln. 1984.
- Kretschmer P. 1905 – Neugriechische Dialektstudien. I. Der heutige lesbische Dialekt verglichen mit den übrigen nordgriechischen Mundarten. Wien. 1905.
- Lausberg H. 1969 – Romanische Sprachwissenschaft. I. Einleitung und Vokalismus; II: Konsonantismus. Berlin. 1969.
- Meillet A. 1913 – Aperçu d'une histoire de la langue grecque. Paris. 1913.
- Mihăescu H. 1966 – Influența grecească asupra limbii române pînă în secolul al XV-lea. București. 1966.
- Οικογιομίδης Δ.Η. 1958 – Γραμματική της ελληνικής διαλέκτου του Πόντου. Αθήναι. 1958.
- Παπαδόπουλος Α.Α. 1955 – Ιστορική γραμματική της ποιντικής διαλέκτου. Αθήναι. 1955.
- Rohlf G. 1947 – Griechischer Sprachgeist in Süditalien (Zur Geschichte der inneren Sprachform). München. 1947.
- Rohlf G. 1966 – Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. I. Fonetica; II. Morfologia; III. Sintassi e formazione delle parole. Torino. 1966.
- Rohlf G. 1977 – Grammatica storica dei dialetti italogreci (Calabria, Salento). München. 1977.
- Ruge H. 1986 – Grammatik des Neugriechischen. Köln. 1986.
- Sandfeld K. 1930 – Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris. 1930.
- Solta G.R. 1980 – Einführung in die Balkanlinguistik mit besonderer. – Berücksichtigung des Substrats und des Balkanlateinischen. Darmstadt. 1980.
- Τομπαιδης Δ.Ε. 1988 – "Διάλεκτος ποιντική" // *Εγκυκλοπαιδεία Ποιντικού Ελληνισμού*. Bd. I (Α–Ε) Θεσσαλονίκη. 1988.
- Weithmann M.W. 1978 – Die slavische Bevölkerung auf der griechischen Halbinsel. München. 1978.

Перевел с немецкого К.Г. Красухин